

Зоя Сидорович

DOI 10.15290/sw.2018.18.14

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Филологический факультет

Кафедра русской филологии

tel. +375 29 78 601 61

e-mail: zoya.sidorovich@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1614-815X>

**Интертекстуальность как категория текста
в эссе А.Г. Битова**
Русский устный и русский письменный

Ключевые слова: текст, категория текста, интертекстуальность, Андрей Битов.

Проблематика межтекстовых связей и внутритекстовых отношений в рамках художественного произведения является одной из наиболее актуальных и разрабатываемых областей как в лингвистике, так и в литературоведении. Она тесно связана с проблемой понимания и интерпретации текста. Имеются разные подходы в рассмотрении и трактовке различных способов и типов тексто- и смыслопорождения. В лингвистике и литературоведении существуют свои, отличающиеся друг от друга, точки зрения на разнообразные аспекты, связанные с вышеуказанными явлениями. В настоящее время не подлежит сомнению тот факт, что совокупность различных отношений между отдельными и разными по своему происхождению и природе текстами, а также комплекс вербально выраженных смысловых отношений внутри одного текста являются одним из главных компонентов, составляющих смысл художественного произведения в рамках непосредственно самого текста, включают его в общую цепь произведений литературы, других памятников культуры.

Восприятие художественного произведения – всегда очень сложный процесс, ход которого зависит от каждого читателя – от его собственной и всегда уникальной картины мира, возраста, образованности, ха-

рактера исторического отрезка времени, в котором читатель живет, и от многих других факторов. Каждый текст допускает множественность его интерпретаций. Текст в зеркале интерпретации как словесное произведение представляет авторскую концепцию мира, (1) созданную его творческим воображением посредством собственной индивидуальной картины мира, (2) воплощенную «в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность)», и (3) адресованную читателю, который интерпретирует текст в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией [Бабенко 2000, 64]. При этом для сохранения ценностной системы произведения важно соответственное понимание используемых в нем языковых средств автором текста и его адресатом.

Однако всякое истинно художественное произведение неисчерпаемо, поэтому восприятий, толкований и интерпретаций текста столько, сколько у текста читателей, и совсем не обязательно, чтобы читательское понимание текста совпадало с авторским. Глубина восприятия художественного текста читателем зависит от того, насколько он глубоко знает внеязыковой план произведения.

Сегодня понимание текста мыслится учеными как процесс, происходящий при обязательной активной позиции читателя. Р. Барт, М.М. Бахтин, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Д.С. Лихачев, Е.М. Мелетинский, В.И. Тюпа, В. Шмид и многие другие авторы (будь то лингвисты, литературоведы, философы, психологи), классики науки и наши современники, подчеркивают активность читателя, его сотворчество в постижении текста. Глубина восприятия художественного текста читателем зависит от того, насколько он глубоко знает внеязыковой план произведения. Фоновые знания, владение совокупностью сведений исторического, географического, социального и культурного характера обеспечивают адекватное восприятие и интерпретацию произведения.

Языковая личность, как утверждает Ю.Н. Караулов, стоит за каждым текстом [Караулов 1987]. Так, языковая личность автора художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Причем «индивидуальная модель мира автора находит свое отражение на всех уровнях иерархически организованной структуры текста и обуславливает отбор именно таких элементов, которые по своим языковым свойствам являются наиболее действенными для отражения авторского понимания действительно-

сти, а также для реализации прагматических установок текста» [Чарыкова 2000, 11]. В цельном произведении все элементы продуманы и не случайны, и потому только системный подход к анализу текста способен помочь выявить картину мира писателя.

В лингвистической литературе конца XX – начала XXI века можно встретить самые разнообразные определения понятия текст, различия и специфика которых зависят от того, с позиций какого подхода – интралингвистического, психолингвистического, социолингвистического и т. п. – рассматривается текст. Приведем лишь некоторые из них, отражающие определенные тенденции исследования текста в современной русистике.

Самым известным и широко употребляемым определением текста интралингвистического плана является определение И.Р. Гальперина: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1999, 40]. С позиций теории коммуникации определяет понятие текст О.Л. Каменская: «Текст есть обладающий специфической структурой знаковый объект (знак), обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора» [Каменская 2006, 47]. Психолингвистическую трактовку текста дает В.П. Белянин: «Текст, представляя собой сложное семантическое образование, имеет ряд характеристик: цельность, связность, эмотивность, креолизированность, прецедентность, скважность» [Белянин 2001, 14]. С точки зрения лингвокультурологии, по мнению В.А. Масловой, текст – «это истинный стык лингвистики и культурологи, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры» [Маслова 2002, 19]. Наконец, с позиций когнитивной лингвистики определяет текст, например, Л.А. Нефедов: «Текст является моделью отражения процесса познания, закрепленного в языковой картине мира, где накопление когнитивного опыта опосредуется языком» [Нефедов 2008, 172]. Этот ряд можно было бы продолжить, но и приведенных дефиниций текста достаточно, для того чтобы определить первую характерную особенность современных определений текста в русистике – разноаспектность.

В лингвистике также выделяется широкое и узкое понимание текста. Текст в широком понимании – это последовательность знаковых единиц, представляющая информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата [Кубрякова 2001, 75]. Такое определение характеризует текст с функционально-семантической стороны и с точки зрения прагматических свойств, но не проясняет вопрос о его протяженности и структурно-семантической организации.

Любой текст обладает метатекстовым (метатекстуальным) потенциалом, который может быть развернут полностью или частично. Главным критерием и ключевым звеном этой потенции все-таки остается компетенция «человека Говорящего», и как бы мы не хотели быть «объективными», без его «субъективной» способности к речевой рефлексии и операциям по интерпретации подтекстового, имплицитного содержания полный выход в подлинно смысловую сферу не представляется выполнимым [Балабин 2008, 82].

Интертекстуальность стала неотъемлемой чертой литературы конца XX – начала XXI веков и базовой категорией постмодернизма. Необходимость исследования в настоящее время интертекстуальности как концептуальной характеристики текстуальности любого дискурса не вызывает сомнений. Интертекстуальность выступает основной текстовой категорией и принципом построения, в первую очередь, публицистического текста, т.к. становится одной из фундаментальных проблем порождения публицистического (как правило, вторичного по своей природе) текста, позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой. Интертекстуальные элементы относятся к прецедентным феноменам (прецедентные имена, тексты и ситуации), которые хорошо знакомы всем представителям национально-лингвокультурного сообщества и которые актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане.

Как отмечают ученые (Ю.С. Степанов, Р. Барт, Ю. Кристева, И.П. Ильин, Н.А. Фатеева и др.) в каждом художественном тексте присутствуют элементы, ранее употреблявшиеся в других текстах. Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту только благодаря его соотносительности и взаимодействию с другими в общем межтекстовом (интертекстуальном) пространстве культуры, в котором текст оказывается «мозаикой цитат» [Кристева 2010, 157], «эхокамерой» [Барт 1998, 17], сохраняющей «чужие звуки», «палимпсестом» [Бахтин 1995, 147], где новые строки появляются поверх существовавших. В художественном тексте «переплетаются», соединя-

ясь, знаки, восходящие к разным произведениям, сочетаются элементы других текстов-предшественников. «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат, и в этом смысле каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях, в более или менее узнаваемых формах» [Лотман 1995, 90]. Благодаря интертекстуальным связям текст одновременно выступает и как «конденсатор культурной памяти», и как «генератор новых смыслов» [Лотман 1995, 94], которые возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций уже известных в истории культуры элементов [Лотман 1995, 101].

Таким образом, выявление «чужих» текстов, «чужих» дискурсов в составе анализируемого произведения определение их функций составляет интертекстуальный аспект его рассмотрения. Соотнесенность же одного текста с другими (в широком их понимании), определяющая его смысловую полноту и семантическую множественность, называется *интертекстуальностью*.

Интертекстуальные элементы в составе произведения разнообразны. К ним относятся: заглавия, отсылающие к другому произведению; цитаты (с атрибуцией и без атрибуции) в составе текста; аллюзии (заимствование лишь определенных элементов пратекста, по которым происходит их узнавание в новом тексте); реминисценции; эпитафьи; пересказ чужого текста, включенный в новое произведение; пародирование другого текста; «точечные цитаты» – имена литературных персонажей других произведений или мифологических героев, включенные в текст; «обнажение» жанровой связи рассматриваемого произведения с текстом-предшественником и др. [Ильин 1996, 119].

Интертекстуальность тесно связана с ономастикой: прецедентными могут быть антропонимы, топонимы, поэтонимы. «Восстановление интертекстуальных отношений в новом тексте происходит на основании "памяти слова": референциальной, комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической. Если комбинаторная память слова – это зафиксированная сочетаемость для данного слова как в общем, так и индивидуальном поэтическом языке, то референциальная память слова вызывает к порогу сознания круги значений и ассоциаций из прежних контекстов, создавая этим дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте» [Паршин, Фатеева 2002].

Выбранное для анализа эссе А.Г. Битова *Русский устный и русский письменный* представило исследовательский интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, язык, которым написано произведение,

характеризуется разнообразием и разнородностью используемых автором лексических, стилистических, образных средств. Во-вторых, данное произведение обладает многоплановостью содержания и яркой образностью. Эссе – это жанр, с одной стороны, имеющий непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них, с другой стороны, жанр, отражающий в тексте использование «чужого слова». С научной литературой эссе связывается тематически, что выражено в объединении всех объектов мысли преимущественно гуманитарных наук. Эссе связано со временем, что роднит его с публицистикой. Личности автора является ведущей в эссе, а соотносительность с настоящим определяет способность эссе дискутировать с традиционной трактовкой и предлагать в результате анализа собственную «версию» объекта, которая претендует на универсальность.

Писатель-экспериментатор А.Г. Битов в эссе *Русский устный и русский письменный* берет прецедентный текст и «домысливает» его, дописывая то, что считает целесообразным, включает в текст элементы других текстов, создавая межтекстовый диалог, так заявляет свою позицию (культурную, социальную, политическую, эстетическую), нацеливает текст на определенную аудиторию, способную все эти ссылки распознать. Эссе *Русский устный и русский письменный* наполнено интертекстуальными элементами, которые выполняют различные функции и имеют различные средства выражения.

Рассмотрим некоторые интертекстуальные элементы в анализируемом эссе Андрея Битова.

1. Фамилии, имена великих людей: *Пушкин* (35 словоупотреблений), *Петр Великий* (12), *Сталин* (8), *Ленин* (7), *Гайто Газданов* (7), *Гоголь* (4), *Лев Толстой* (4), *Шекспир* (4), *Бунин* (3) и другие.

2. Произведения: *Лермонтов* «Герой нашего времени», *Лев Толстой* «Кавказские рассказы», «Анна Каренина», *Пушкин* «Выстрел», «Пиковая дама», «Медный всадник», «Пророк», «Бессонница», «Я помню чудное мгновенье», «Памятник», Некрасов «Железная дорога» и другие.

3. Герои произведений: *Сальери* (10 словоупотреблений), *Сильвио* (2), *Моцарт* (9), *Илья Муромец*, герои сказок *Вано* (18) и *Нико* (16), *Германн*, *Фауст* и другие.

4. Географические названия: *Запад*, *СССР*, *Россия*, *Англия*, *Аляска*, *Калифорния*, *Индия*, *Америка (Штаты)*, *Франция*, *Германия (ГДР)*, *Эдинбург*, *Сент-Женевьев*, *Амстердам*, *Гамбург*, *Петербург (Питер, Ленинград)*, *Кенинсберг*, *Канада*, *Бразилия*, *Древняя Греция*, *Москва (Московия)*, *Австралия*, *Грузия*, *Тбилиси*, *Берлин*, *гора Эль-*

брус, Армения, Кавказ, Крым, Стамбул, Черное море, Чили, Дальний Восток, Сибирь, Шанхай, Нью-Йорк, Урал и другие.

5. Реминисценции: *Ехал я из Петербурга в Москву; В общем – чистый Некрасов. Все та же «Железная дорога». С вечной бочкой вина, вечным кайлом и вечной недоимкой; Термин “внутренний эмигрант” был и тогда. В “вегетарианские” времена. (...) Первая волна, третья волна. Слово не случайное. Не просто волна – цунами. Встала, вздыбилась – оттого, что на дне идет извержение вулкана и другие.*

6. Аллюзии: *Петр – русский Гулливер; Зависть к тому, каким бы мог стать русский человек – вот зависть! (через двести лет – Гоголь?!)... Птица-тройка...; Два фунта – кружка пива в пабе, два фунта – полный Шекспир; Так Петр захотел построить в Петербурге Европу сразу и другие.*

7. Упоминания о фактах и событиях: *В 1992–1993 годах я был стипендиатом Берлинского Wissenschaftkollege; Вечно сравнивали все с 1913 годом. Скоро будет уж столетие Тринадцатого года; Год, значит, вот какой: Сталину исполняется 70 лет, значит, Пушкину – 150 и другие.*

8. Цитаты: *«Россия – не царство, а одна шестая часть света». Оказывается: это сказал Петр Великий; Я делаю книгу о Пушкине в 1833 году. Он уже написал к тому времени «Не дай мне Бог сойти с ума»; Да, «гений и злодейство две вещи несовместные»; Гоголевская фраза, так торжественно и так часто цитируемая, о Пушкине – «русском человеке через двести лет», она что-нибудь да значит? и другие.*

9. Реалии культуры, истории: *сталинская школа, сталинский дом, буниноманка, диккенсовские времена, английский язык, английская литература, фунт, Кремль, Красная площадь, Стена (берлинская), отель «Савой», Смольный и другие.*

В силу определенной открытости произведения А. Битова приглашают читателя к сотворчеству на основе собственного жизненного опыта и сопричастности к единому с автором культурному метатексту, поскольку входят как «энергетически сильные тексты» в ядро национальной культуры [Маслова 2001, 35]. Они «оперируют “культурным” словом, т.е. словом, погруженным в контекст культуры; такие слова являются единицей не просто данного художественного текста, а частью единого метатекста (интертекста) культуры» [Маслова 2001, 35], и в этом смысле эссе А. Битова обладают объяснительной способностью и по отношению к отечественной культуре слова, и по отношению к художественным картинам мира.

Интертекстуальность выступает основной текстовой категорией и принципом построения, в первую очередь, публицистического текста, т.к. становится одной из фундаментальных проблем порождения публицистического (как правило, вторичного по своей природе) текста, позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой. Интертекстуальные элементы относятся к прецедентным феноменам (прецедентные имена, тексты и ситуации), которые хорошо знакомы всем представителям национально-лингвокультурного сообщества и которые актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане. Процесс восприятия текста невероятно сложен и требует многостороннего изучения, а следовательно, не может считаться полным без изучения межтекстовых связей. Исследование представляется актуальным и в связи со значительными возможностями, которые открываются при изучении других текстов.

Способность распознать и выявить тот или иной интертекстуальный элемент, а где-то и угадать сам прецедентный текст, зависит от компетентности реципиента, и «субъективность» восприятия может привести к различным формам их прочтения (понимания смысла). Все это сопровождается обязательным построением метатекста в виде *внутреннего диалога с существующим произведением*. Оно же может в этом случае быть понято в буквальном смысле, или будет понят тот «скрытый» внутренний завуалированный смысл, который в действительности и хотел передать автор [Балабин 2008, 80].

Исследованные интертекстуальные элементы в эссе А. Битова *Русский устный и русский письменный*, являясь «свернутым текстом», выполняют различные функции. Анализ фактического материала показал, что основными функциями интертекстов являются следующие: информативно-описательная, или референтивная (называет реалии, изображаемые автором), эстетическая (создает образы), эмотивная (выражает отношение к обозначаемому), экспрессивная (сообщает о прагматических установках автора), композиционная (осуществляет разнообразные смысловые связи внутри текста), фатическая (контактоустанавливающая), апеллятивная (ориентирует на конкретного адресата, обладающего определенным культурным кодом), метатекстовая (обращает к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как осознаваемый).

Формируя авторскую художественную картину мира, интертекстуальные элементы полностью реализуют свои текстообразующие потенции: приобретая определенную текстовую глубину, обогащаясь се-

мантическими оттенками, они задают микротемы текстовых фрагментов и прогнозируют их развертывание своей актантной рамкой, интегрируют фразы и текст в целом, становятся лексическим экспликатором фабульного, образного и идейного смыслов текста.

Таким образом, благодаря интертекстуальности, исследуемый текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст, с которым сталкивается современный читатель, вступающий в прямой диалог с художественным текстом и его автором. Интертекстуальные элементы являются ценным объектом лингвистических исследований, так как позволяют не только установить идиостиль автора, его концептуальную картину мира, но и изучить сами процессы интертекстуальных связей, выявить ментальные единицы (понятия), прецедентные тексты, существующие в языковом сознании и объективирующиеся в языке.

Интегрированный подход к тексту способствует антропоцентрическому видению языка и текста и превращает языковую личность в центральный концепт современной филологической науки. В особенности возрастает научный интерес к познанию механизмов авторского и читательского взаимодействия при порождении и восприятии текста. Автор художественной картины мира не просто предугадывает своего читателя, но формирует его, вовлекая в процесс сотворчества, создавая и развивая диапазон прочтения текста сегодня, завтра и всегда. Осуществлению авторского замысла служат селекция языковых средств и особая, эстетически значимая их организация в тексте. Многоаспектный и интегрированный подход к тексту через языковые факты позволяет исследовать не только сам текст, его параметры, но и составляющие его языковые элементы, их организацию и сочетаемость, а также закономерности формирования художественной картины мира.

Литература

- Babenko L.G., 2000, *Lingvističeskij analiz hudožestvennogo teksta*, Ekaterinburg. [Бабенко Л.Г., 2000, *Лингвистический анализ художественного текста*, Екатеринбург.]
- Balabin V.V., 2008, *Metatekstual'nost' i intertekstual'nost' v issledovanii diskursa*, "Vestnik MGIMO universiteta. Ser. Filologija", № 2, s. 77–82. [Балабин В.В., 2008, *Метатекстуальность и интертекстуальность в исследовании дискурса*, "Вестник МГИМО университета. Сер. Филология", № 2, с. 77–82.]
- Bart R., 1998, *Izbrannye raboty. Semiotika. Poëtika*, Moskva. [Барт Р., 1998, *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Москва.]

- Bahtin M.M., 1995, *Èstetika slovesnogo tvorčestva*, Moskva. [Бахтин М.М., 1995, *Эстетика словесного творчества*, Москва.]
- Belânin V.P., 2001, *Psiholingvističeskie aspekty hudožestvennogo teksta*, Moskva. [Белянин В.П., 2001, *Психолингвистические аспекты художественного текста*, Москва.]
- Gal'perin I.R., 1999, *Tekst kak ob'ekt lingvističeskogo issledovaniâ*, Moskva. [Гальперин И.Р., 1999, *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.]
- Il'in I.P., 1996, *Intertekstual'nost'*, [v:] *Sovremennoe zarubežnoe literaturovedenie*, Moskva, s. 119–217. [Ильин И.П., 1996, *Интертекстуальность*, [в:] *Современное зарубежное литературоведение*, Москва, с. 119–217.]
- Kamenskaâ O.L., 2006, *Tekst i komunikaciâ*, Moskva. [Каменская О.Л., 2006, *Текст и коммуникация*, Москва.]
- Karaulov Ū.N., 1987, *Russkij âzyk i âzykovaâ ličnost'*, Moskva. [Караулов Ю.Н., 1987, *Русский язык и языковая личность*, Москва.]
- Kristeva Ū., 2010, *Intertekstual'nost'*, Moskva. [Кристева Ю., 2010, *Интертекстуальность*, Москва.]
- Kubrâkova E.S., *O tekste i kriteriâh ego opredeleniâ*, [v:] *Struktura i semantika*, Moskva, s. 72–81. [Кубрякова Е.С., *О тексте и критериях его определения*, [в:] *Структура и семантика*, Москва, с. 72–81.]
- Lotman Ū.M., 1995, *Struktura hudožestvennogo teksta*, Moskva. [Лотман Ю.М., 1995, *Структура художественного текста*, Москва.]
- Maslova V.A., 2002, *Lingvokul'turologiâ*, Moskva. [Маслова В.А., 2002, *Лингвокультурология*, Москва.]
- Maslova V.A., 2001, *Filologičeskij analiz teksta, ego svâz' s kul'turoj*, [v:] *Tekst v lingvističeskoi teorii i v metodike prepodavaniâ filologičeskikh disciplin*, Mazyr', s. 35–37. [Маслова В.А., 2001, *Филологический анализ текста, его связь с культурой*, [в:] *Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин*, Мозырь, с. 35–37.]
- Nefedov L.A., 2008, *Vospriâtie teksta kak aktivnyj kognitivnyj process*, [v:] *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kommunikativnom, pragmatičeskom i kul'turologičeskom aspektah*, Čelâbinsk, s. 172–176. [Нефедов Л.А., 2008, *Восприятие текста как активный когнитивный процесс*, [в:] *Слово, высказывание, текст в коммуникативном, прагматическом и культурологическом аспектах*, Челябинск, с. 172–176.]
- Paršin P., Fateeva N., *Intertekstual'nost'* [Паршин П., Фатеева Н., *Интертекстуальность*, [online], http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html?page=0,1. [11.11.2015]
- Čarykova O.N., 2000, *Rol' glagola v reprezentacii individual'no-avtorskoj modeli mira v hudožestvennom tekste*, Voronež. [Чарыкова О.Н., 2000, *Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте*, Воронеж.]

INTERTEXTUALITY AS A CATEGORY OF TEXT IN THE ESSAY
BY A.G. BITOV *ORAL RUSSIAN AND WRITTEN RUSSIAN*

S U M M A R Y

The give article is devoted to the study of the peculiarities of intertextual relations and the specificity of their functioning in the publicistic text by Andrey Bitov. Intertextuality is a basic category of text in postmodernism where the ways of including fragments from other texts, culture realia, historical event are determined by author's strategy. Any text often appears as a response to already existing works, as a feedback to it in the dialogue between the texts, includes and transforms a "new word" acquiring at that semantic multiplicity. Intertextual elements allow not only to identify the author's idiostyle, but also to study the processes of cross-level relations themselves, to reveal mental units and precedent texts existing in linguistic cognition and objectivized in the language.